

О ПРЕДПОСЫЛКАХ ДОГОНЯЮЩЕГО РАЗВИТИЯ ТУРЕЦКОЙ РЕСПУБЛИКИ

© 2025

Н. Ю. Ульченко¹

В статье анализируются сформировавшиеся в отечественной литературе точки зрения на причины наблюдавшегося с XIX в. экономического отставания Османской империи от стран Запада. Они группируются в зависимости от сложности и многофакторности оценок: от сравнительно простых, объясняющих деградацию османской промышленности конкуренцией готовых импортных изделий из стран Запада до более глубоких, представляющих собой авторскую версию объяснения того обстоятельства, что конкуренции ввозных промышленных товаров Османская империя не смогла противопоставить развитие собственной промышленности капиталистического типа. Во втором случае речь идёт об анализе довольно сложной системы множества факторов, формировавших специфику османского экономического уклада, включая не только меры государственного регулирования, но и исламскую этику и ментальность, на которых они во многом базировались. Основным препятствием на пути капиталистической трансформации производства в Османской империи представляется неспособность социально-экономической среды обеспечить трансформацию ремесленников и купцов в предпринимательское сословие капиталистического типа. Если первым мешала избыточная государственная регламентация системы организации и производства в ремесленных цехах, то вторым — моральные и этические нормы мусульманского общества, проявившиеся, в частности, в ограничениях наследственного права и иных установках, препятствовавших долговременному накоплению капитала, что было непременной предпосылкой его трансформации из торгового в предпринимательский.

Понимание истоков экономического отставания Османской империи важно с точки зрения понимания специфики последующей траектории догоняющего развития Турции, равно как и некоторых проблем развития современной экономики страны и сложностей в их решении.

Ключевые слова: Османская империя, экономическое отставание, конкуренция западных промышленных товаров, ислам, ремесленные цехи, исламское право, торговый капитал

Для цитирования: Ульченко Н. Ю. О предпосылках догоняющего развития Турецкой Республики. *Вестник Института востоковедения РАН.* 2025. № 1. С. 174–182. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-174-182

¹ Ульченко Наталия Юрьевна, доктор экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ulchenko-n@rambler.ru

Natalia Yu. Ulcheko, DSc (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; ulchenko-n@rambler.ru
ORCID: 0000-0002-0078-1199

ON THE PREREQUISITES FOR “CATCH-UP DEVELOPMENT” OF THE TURKISH REPUBLIC

Natalia Yu. Ulchenko

The article analyzes the points of view formed in Russian literature on the causes of the economic lag of the Ottoman Empire from Western countries since the nineteenth century. They are grouped depending on the complexity and multifactorial nature of the assessments: from relatively simple ones explaining the degradation of the Ottoman industry by the competition of finished imported products from Western countries, to deeper ones, representing the author's version of the explanation of the fact that the Ottoman Empire could not counter the development of its own capitalist-type industry to the competition of imported industrial goods. In the second case, we are talking about an analysis of a rather complex system of factors that shaped the specifics of the Ottoman economic system, including not only government regulation measures, but also Islamic ethics and mentality, on which they were largely based. The main obstacle to the capitalist transformation of production in the Ottoman Empire seems to be the inability of the socio-economic environment to ensure the transformation of artisans and merchants into a capitalist-type entrepreneurial class. If the former was hampered by excessive state regulation of the organization and production system in craft workshops, the latter was hampered by the moral and ethical norms of Muslim society, which manifested themselves in particular in restrictions on inheritance law and other attitudes that hindered the long-term accumulation of capital, which was an indispensable prerequisite for its transformation from commercial to entrepreneurial. Understanding the origins of the economic lag of the Ottoman Empire is important from the point of view of understanding the specifics of the subsequent trajectory of Türkiye's catch-up development, as well as some of the problems of the country's modern economy and the difficulties in solving them.

Keywords: The Ottoman Empire, economic backwardness, competition of Western industrial goods, Islam, craft workshops, Islamic law, trading capital

For citation: Ulchenko N. Yu. On the Pre-Requisites for “Catch-Up” Development of the Turkish Republic. *Vestnik Instituta vostokovedenija RAN*. 2025. No. 1. Pp. 174–182. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-1-174-182

Начало экономического отставания Османской империи от стран Европы приходится на XIX век, что, по мнению ряда исследователей, совершенно не случайно совпало с пересмотром системы внешнеторгового регулирования, которого придерживалась Великая Порта.

Действительно, на XIX век пришлось существенные изменения в таможенном регулировании Османской империи, которое прежде характеризовалось высокой степенью нейтральности: единый (недифференцированный) внешнеторговый тариф для экспорта и импорта в 3% от заявленной стоимости товара, обладая определённой фискальной функцией, функции регулирующей был лишён.

Но на протяжении XIX столетия между Османской империей и её западными внешнеторговыми партнёрами были заключены две серии торговых договоров: первая — в период с 1838 по 1846 г. и вторая — в 1861–62 гг.

Первая серия внешнеторговых договоров закрепила преимущество импорта, для которого ставка таможенной пошлины составила 5%, перед экспортом — ввозные операции облагались по ставке 12%. Что же касается второй серии торговых договоров, то хотя по настоянию турецкой стороны ввозные пошлины были повышены до 8%, в остальной территории Османской империи фактически превращалась для западных стран в свободный рынок сбыта, в пределах которого не действовали никакие количественные и отраслевые внешнеторговые ограничения. Таким образом,

установившийся режим фритрейда дополнил исстари действовавшие капитуляционные соглашения, которые обеспечивали заморским купцам в Османской империи юридическую защиту имущества и жизни.

Подписание новых торговых соглашений пришлось на период начала и дальнейшего распространения в Европе промышленной революции, которая существенно обострила вопрос о рынках сбыта и источниках сырья для бурно развивавшейся промышленности. В итоге рынок Османской империи стал стремительно подвергаться экспансии готовых изделий из стран Западной Европы, которые одновременно были заинтересованы в вывозе турецкого сельскохозяйственного и минерального сырья.

Начавшиеся в этот период существенные изменения в экономической жизни Османской империи неоднократно анализировались отечественными исследователями, результатом чего стало формирование двух школ или систем оценки последствий европейской торговой экспансии в Османской империи.

Согласно первой системе европейский экспорт стал фактором деградации ремесленного производства в Османской империи и её последующего промышленного отставания от стран Европы, хотя прежде, на стадии ремесленного производства, османские мастера успешно конкурировали с европейскими. Яркий представитель этой школы — отечественный исследователь А. Д. Новичев, который в своей работе 1937 г. писал: в 1861–62 гг. «Турция оформила свои кабальные торговые договоры с иностранными державами..., в основу которых были положены капитуляции как первостепенная база взаимоотношений Турции с иностранцами, ставившая турок в подчинённое положение по отношению к иностранцам в их собственном государстве» [Новичев, 1937, с. 246]. К этой теме он обратился и в своей гораздо более поздней работе 1973 г.: «...всё более разрушительное воздействие на турецкую промышленность оказывал импорт иностранных товаров. Никакой протекционистской защиты турецкое правительство не знало. ...Ручные станки прекращали работу, а взамен открывались лавки для продажи импортных товаров», — резюмирует он, цитируя турецкого историка Х. Шанда [Новичев, 1973, с. 87].

Близкую точку зрения выражал и советский историк А. Ф. Миллер. Он писал: «В то время, когда в Европе вслед за Англией завершала промышленную революцию также Франция, Турция была лишена единственного оружия слабого в промышленном отношении государства — оружия протекционизма» [Миллер, 1948, с. 66].

Схожие причинно-следственные связи усматривал и советский/российский историк Ю. А. Петросян в своей работе от 1990 г.: «...местное промышленное производство оказалось беззащитным перед лицом иностранной конкуренции» [Петросян, 1990, с. 199].

Таким образом, оценки, доминировавшие в значительной части работ советской туркологической школы и представлявшие Османскую империю преимущественно как потерпевшую сторону от внешнеторгового нашествия западных стран, дожили до времени новой России и заняли определённое место уже в постсоветских исследованиях.

Вместе с тем уже в 1970-е годы в недрах советской туркологии начинает формироваться система оценок, относящихся к альтернативной школе, принципиальным отличием которой является, во-первых, понимание промышленного отставания Османской империи как объективного, а потому неизбежного итога взаимодействия двух экономических систем — Османской и Западной, которые после промышленной революции оказались на принципиально разных уровнях развития. Во-вторых, итоги этого взаимодействия подчёркнуто рассматриваются не только в плоскости экономических потерь Османской империи, но и определённых приобретений. В-третьих, экономическое отставание Османской империи видится результатом более сложной и глубокой

системы причинно-следственных связей, чем массовый нерегулируемый ввоз европейской промышленной продукции.

К представителям второй школы, безусловно, относится И. Л. Фадеева. Соглашаясь с тем, что торговая экспансия отвечала интересам Англии, она подчеркивала предопределённый характер неравноправности отношений «столь неравных в экономическом отношении партнёров», какими были Англия и Турция в середине XIX века: «Экономика Османской империи в середине XIX в. не могла обеспечить её конкурентоспособность на мировом рынке, что в тех условиях неизбежно вело к закабалению страны европейским капиталом» [Фадеева, 1982, с. 119]. Но, отмечая все отрицательные стороны подобного англо-турецкого альянса, И. Л. Фадеева призывала «не упускать из виду, что Турция была одной из первых стран мусульманского Востока, которая пришла к необходимости реформ и более активного сотрудничества с Западом, попыталась осуществить некоторые реформы, ...в известной мере способствовавшие дальнейшему развитию капиталистических элементов в экономике страны» [Фадеева, 1982, с. 119].

Схожую точку зрения выражает С. М. Иванов: «...издержки, которые феодальные общества несли при развитии их экономических связей с капиталистическим миром в рассматриваемую эпоху, были исторически обусловлены и неизбежны. Обойти или миновать этот путь развития (при наличии любых субъективных факторов) Османская империя не могла» [Иванов С. М., 1989].

С. М. Иванов обращает внимание и на ряд негативных для Османской империи последствий, связанных с вступлением в силу договоров 1861–62 гг.: применение недифференцированной таможенной пошлины, что лишало её функции регулирования объёмов внешней торговли; развитие системы производства, ориентированной на запросы внешних рынков, а потому оторванной от исторически сложившихся в османском обществе потребностей и др. Но он же приводит и весьма широкий перечень позитивных изменений в хозяйственной жизни Османской империи под влиянием контактов с мировым капиталистическим рынком: повышение региональной специализации и товарности производства, рост приморских городов, заимствование отдельных элементов экономической жизнедеятельности буржуазных обществ [Иванов С. М., 1989, с. 206–207].

В числе работ второй школы особое место занимает статья Н. А. Дулиной «Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи» (1976 г.). Подобно И. Л. Фадеевой и С. М. Иванову, она отмечает, что совершенно различные экономические потенциалы Османской империи и Англии с самого начала предполагали обмен готовой продукции на сырьё. Вместе с тем договор привёл к увеличению торговых оборотов империи, к ликвидации системы государственных монополий и принудительных государственных закупок. При этом, по мнению Н. А. Дулиной, договор 1838 г. не может рассматриваться как *единственная* причина замедления развития турецкой экономики после его заключения. Таким образом, она на тот момент оказывается первой, кто делает шаг к пониманию иных, не связанных с европейской торговлей, причин экономического отставания империи: «Конкуренцию дешёвых европейских товаров не выдерживали прежде всего отрасли ремесленного производства. Однако ремесленное производство было уничтожено не только в Османской империи, но и во всех европейских странах после изобретения паровых машин, вызвавших быстрое развитие капитализма. Разница состояла в том, что в европейских странах ремесленное производство уничтожала собственная капиталистическая промышленность, а в Османской империи — ввозные товары. Следовательно, империя всем ходом исторического развития была поставлена перед необходимостью развивать собственную промышленность капиталистического типа» [Дулина, 1976, с. 74, 76]. Таким образом, как следует из рассуждений автора, истинные причины отсталости связаны с отсутствием адекватного ответа на экономические вызовы эпохи, то есть с неспособностью империи к организации

на своей территории собственного крупного машинного производства капиталистического типа. Далее Н. А. Дулина предлагает и свою версию этих причин, которая, правда, пока сформулирована в весьма общей форме: речь идёт об особенностях формирования капиталистического способа производства в Османской империи, которые заключались в вынужденном синтезе и взаимной борьбе новых (капиталистических) форм социально-экономической организации и сохранявшихся институтов традиционного мусульманского общества [Дулина Н. А., 1976, с. 80].

Более чётко сформулированную версию ответа на непростой вопрос о причинах подобной неспособности предложил С. М. Иванов в работе, вышедшей в свет уже в начале XXI в. Как представляется, итоговый вывод его работы следующий: основным препятствием на пути капиталистической трансформации Османской империи стала её неспособность сформировать адекватный системе капитализма предпринимательский класс ни как носителя предпринимательского духа, ни как обладателя необходимого капитала, аккумулированного в результате процесса первоначального накопления [Иванов С. М., 2005].

Что касается первого, С. М. Иванов обращает внимание на специфику ремесленной цеховой организации Османской империи и формируемый ею тип личности: «В своей производственной деятельности индивид в течение своей жизни был неразрывно связан с жизнью своего ремесленного цеха... Жёсткая производственная иерархия... копировала жёсткую соподчинённость и иерархию должностных лиц в государственных структурах Османской империи. Внутрицеховая дисциплина доходила до раболепия младших перед старшими, уродовала развитие личности...» И далее: «Трудовая этика османских ремесленников опиралась на религиозные предписания того или другого духовного ордена, любое отклонение от которых было по существу греховным... Нововведения и усовершенствования запрещались, что делало невозможным не только совершенствование технологии, но ... и становление творческой, активной и инициативной личности... Застойная трудовая этика означала и застой в развитии личности», — резюмирует автор [Иванов С. М., 2005, с. 210–211].

Наконец, мотив прибыли, а значит, роста производства на основе возможной капитализации во многом заглушался, а то и полностью отрицался особенностями социальной и религиозно-культурной жизни османского общества. Труд в исламе признаётся основным фактором производства. Тем самым крупное предпринимательство не поддерживается, а поощряется активность мелких производителей, в рамках которой не должно быть большой разницы в уровнях доходов между работником и работодателем. По мнению С. М. Иванова, идеология имущественного равенства, которая пронизывала сознание османских ремесленников (классическая османская доктрина не допускала больших различий в оплате труда ремесленников: разница в их доходах не превышала 4–7-кратного уровня), формировала условия, при которых внутри анатолийских цеховых организаций не возникали и не могли возникнуть условия для рождения человека нового времени с присутствием ему буржуазным сознанием [Иванов С. М., 2005, с. 210].

Таким образом, речь идёт о невозможности формирования в Османской империи из среды ремесленников достаточно массового класса предпринимателей, крайне важного в структуре организации капиталистического производства.

Касаемо накопления капитала С. М. Иванов отмечает существенное ограничивающее влияние безусловно доминировавшего в обществе мусульманского религиозного сознания. Согласно экономическим воззрениям мусульман, капиталы должны постоянно находиться в обращении, поощрять и обслуживать товарооборот. Но в описанных условиях единственной формой капитала мог быть капитал торговый.

Кроме того, в рамках классической экономической доктрины ислама производительное накопление капитала затрудняется и тем, что в ней значительное место занимает идея богоугодного передела имущества богатых в пользу бедных. С. М. Иванов цитирует известнейшего турецкого историка Халили Иналджика: «Убеждение в том, что благотворительность и милосердие угодны Аллаху... определяло экономическое поведение мусульман при решении важнейших хозяйственных вопросов во всех мусульманских странах, а османские турки были особенно ревностны в исполнении этих религиозных предписаний». «В таких условиях открытое долговременное накопление капитала частным лицом в целях его дальнейшего использования для производственных нужд в принципе было аморально, а значит, и нелегитимно», — заключает С. М. Иванов [Иванов С. М., 2005, с. 18–19].

Существование у турок «купеческих династий» было явлением редким. Применительно к средневековой истории османского торгового капитала это означало, что накопление внутри одной семьи обычно прерывалось с кончиной главы купеческого дома. Накопленные богатства отходили в фонд государства, т. к. одним из основных принципов экономической политики было стремление уравнивать население в распределении богатства и собственности, или распределялись среди родственников. Иными словами, общепризнанной нормой было «распыление капитала». Между тем, подчеркивает С. М. Иванов, именно длительность процесса накопления, растянутая на время жизни многих поколений купеческих семей в Западной Европе, создала историю буржуазии и стала становым хребтом капитализма [Иванов С. М., 2005, с. 20].

Аргументировав подобным образом неготовность Османской империи к развитию по классическому капиталистическому пути, С. М. Иванов согласен с оговоркой того рода, что речь идёт лишь о теоретических построениях, которые оставляют открытым вопрос, где и насколько исламские постулаты воплощались в практике экономической жизни.

С точки зрения формирования представления об использовавшихся практиках отрицания или обхода исламских постулатов в реальной жизни османского общества весьма интересна работа П. В. Шлыкова «Вакфы в Турции: трансформация традиционного института». Автор обращает внимание на функциональную классификацию вакфов — разделение на благотворительные, семейные и поделённые или наполовину семейные. В случае благотворительных вакфов основателю не оставалось никакого дохода с коммерческих объектов вакфа. Семейные вакфы, напротив, создавались исключительно для финансовой поддержки потомков основателя. С точки зрения благочестия основание семейного вакфа не уступало учреждению благотворительного: ведь благотворительность в исламе начинается с семьи и дома. Члены семьи вакифа рассматривали вакуфное учреждение как некое семейное предприятие, у которого были лишь ограниченные стимулы к расширению спектра социальных услуг. Непрочность института собственности в мусульманском праве вынуждала искать разные способы её сохранения. Учитывая отсутствие эффективной альтернативы, государство было вынуждено соблюдать неприкосновенность вакуфной собственности. «Вакфы формировали альтернативный частный сектор» — резюмирует П. В. Шлыков [Шлыков, 2011, с. 36]. С помощью вакфов можно было обойти сложный порядок наследования, зафиксированный в мусульманском праве, которое во избежание слишком высокой концентрации имущества предоставляет мусульманину возможность свободно распорядиться только третьей частью своего имущества. Вакфы позволяли совершенно свободно «посмертно» распоряжаться своим имуществом, а значит — избежать его фрагментации. Но нормы общественной жизни всё же требовали от основателя вакфа выделять часть средств на социально-благотворительные цели. В итоге доля чисто семейных вакфов была незначительной (менее 10%). Следовательно, обеспечение спокойствия и безопасности имущества требовало усилий и трат. А значит, С. М. Иванов, видимо,

правомерно призывает относиться к классической экономической доктрине ислама как к своеобразному довлеющему морально-психологическому «фону», наличие которого необходимо учитывать при осмыслении практики хозяйствования в Османской империи [Иванов С. М., 2005, с. 212].

В числе прочего исследователи обращают внимание и на специфическую политику Порты, которая нередко пресекала экономические начинания турок. Социальный статус человека в Османской империи определялся его положением во властных структурах, а не его собственностью и финансовыми возможностями. Власть была первична, богатство — вторично. В итоге в Османской империи престиж торгово-предпринимательской деятельности был традиционно ниже государственной или военной службы. Купечество никогда не входило в состав представителей власти в султанской Турции, а было включено в социально-политические структуры в качестве зависимого податного слоя. Учитывая то, что власть была прерогативой мусульман, Порта охотнее позволяла включаться во внешнеэкономические обороты политически несостоятельным османским инационалам, а не мусульманам. По оценкам С. М. Иванова, данная политика султанских властей по отношению к экономическим инициативам турок сохранялась вплоть до последних десятилетий существования Османской империи [Иванов С. М., 2005, с. 223–224].

Весьма схожие, временами даже более категоричные выводы делает и Н. А. Иванов [Иванов Н. А., 2008, с. 194–199]. Отмечая принципиальную несовместимость традиционного мусульманского общества с капиталистическим способом производства, он обращал внимание на следующие моменты:

1. Традиционный ислам был враждебен самому принципу частной собственности. Земля и основные фонды рассматривались как достояние уммы.
2. Ислам никогда не признавал и не признает ценности индивида. На протяжении всей своей истории ислам как система религиозных и социальных ценностей имел коллективистский характер.
3. Развитию буржуазного предпринимательства препятствовала экономическая политика Порты. С развитием частной инициативы была несовместима система всеобщей государственной регламентации и контроля.
4. Серьёзным препятствием для развития буржуазного предпринимательства в османскую эпоху была эгалитаристская философия ислама, осуждение роскоши и богатства. Став обладателям богатства, мусульманин должен был внести закят, пожертвование и проч. В отличие от западного христианства этот бесплатный альтруизм не был чисто этическим учением, а имел по существу силу закона.

Применительно к периоду первоначальной капиталистической трансформации справедлива следующая оценка: османские ремесленники в классическую для империи эпоху были не в состоянии выделить из своей среды прослойку лиц-носителей хозяйственной инициативы. Исходя из логики западноевропейской истории, можно было бы предположить, что такая прослойка общества на исходе средневековья формировалась в Османской империи в среде крупных купцов. Однако, резюмирует С. М. Иванов, цитируя М. С. Мейера, «османские купцы на протяжении XVI–XVIII вв. так и не смогли преодолеть важнейший исторический рубеж в эволюции своего экономического поведения: перейти от торговой к предпринимательской, т. е. организационно-производственной деятельности» [Иванов С. М., 2005, с. 211].

По оценкам С. М. Иванова, для турецкого анатолийского купечества условия выхода в линейное историческое пространство созрели лишь в конце XIX века. В это время туркам удалось пробиться к международной торговле, используя торговые связи с новым торговым контрагентом Османской империи — Германией. Но окончательный перелом в экономическом поведении

османских турок произошёл лишь в годы Первой мировой войны. Пользуясь условиями военного времени, турецкое правительство смогло, наконец, отменить режим капитуляций. В результате позиции иностранного капитала и тесно связанной с ним инациональной буржуазии заметно ослабли. Между тем война создала сильный стимул для развития османского экспорта. В 1916 г. турецкая пресса выступила с характерным лозунгом «Давай, турок, обогащайся!» Иностранцы наблюдали писали о том, что в турецкого купца вселился новый дух. Его вошедшая в поговорку медлительность в делах сменилась быстротой в решениях и действиях. Он почувствовал вкус к деланию денег, он превратился в настоящего современного бизнесмена [Иванов С. М., 2005, с. 235–236].

Почему важен ответ на вопрос о причинах экономического отставания Османской империи? Их понимание во многом объясняет и последующую траекторию догоняющего развития, и истоки экономических проблем страны, остающихся нерешёнными по сей день. Что касается моделей экономической модернизации, избранных Турцией на последующих этапах развития, они предсказуемо характеризуются широтой и многообразием форм государственного участия и достаточно поздним обращением к преимущественно рыночному способу развития — только в 80-е годы XX в. Опять же последний оказался не свободен от глубоко укоренившейся этатистской социально-экономической традиции. Так, сократив участие в реальном производстве, государство начало довлеть на национальном финансовом рынке. Наконец, сегодняшние экономические трансформации, заключающиеся в расширении частично модернизированных форм государственного участия в экономическом развитии страны, позволяют говорить о формировании в Турции новой модификации опять же государственного капитализма.

Исторически не сложившаяся склонность к техническим инновациям и изобретательству, видимо, отчасти объясняет стагнацию объёмов производства высокотехнологичной продукции современной обрабатывающей промышленностью Турции.

Таким образом, современная турецкая экономика в той или иной мере продолжает испытывать на себе воздействие, как оказалось, весьма прочно укоренившегося и остающегося в определённой мере влиятельным османского экономического традиционализма.

Литература / References

Дулина Н. А. Англо-турецкий договор 1838 г. и его влияние на экономическое развитие Османской империи. *Народы Азии и Африки*. 1976. № 3. С. 69–80 [Dulina N. A. The Anglo-Turkish Treaty of 1838 and its impact on the economic development of the Ottoman Empire. *The Peoples of Asia and Africa*. 1976. No. 3. Pp. 69–80 (in Russian)].

Иванов Н. А. Труды по истории исламского мира. Сост. Н. М. Горбунова. М.: Вост. лит., 2008. С. 1–501 [Ivanov N. A. Works on the history of the Islamic world. Comp. N. M. Gorbunova. Moscow: East lit., 2008. Pp. 1–501 (in Russian)].

Иванов С. М. Гл. II, III, IV, Заключение. *Внешнеэкономические связи Османской империи в новое время (конец XVIII — начало XX в.)*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1989. С. 78–210 [Ivanov S. M. Chapters II, III, IV, Conclusion. *Foreign economic relations of the Ottoman Empire in Modern Times (the end of the XVIII-beginning of the XX century)*. Moscow: Nauka, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1989. Pp. 78–210 (in Russian)].

Иванов С. М. *Османская империя в мировой экономической системе (вторая половина XIX — начало XX века)*. СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. С. 1–352 [Ivanov S. M. *The Ottoman Empire in the world economic system (the second half of the nineteenth-early twentieth century)*. St. Petersburg: St. Petersburg University Publishing House, 2005. Pp. 1–352 (in Russian)].

Миллер А. Ф. *Краткая история Турции*. М.: ОГИЗ, 1948. С. 1–303 [Miller A. F. *A brief history of Türkiye*. Moscow: OGIZ, 1948. Pp. 1–303 (In Russian)].

Новичев А. Д. *Очерки экономики Турции до мировой войны*. М. — Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1937 [Novichev A. D. *Essays on the economy of Turkey before the World War*. Moscow; Leningrad: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1937. Pp. 1–312 (in Russian)].

Новичев А. Д. История Турции. III. Новое время. Часть II (1839–1853). Л.: Изд-во ЛГУ, 1973 [Novichev A. D. History of Turkey. III. A new time. Part II (1839–1853). Leningrad: Leningrad University Press, 1973 (in Russian)].

Петросян Ю. А. *Могущество и гибель Османской империи*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1990. С. 1–280 [Petrosyan Yu. A. *The power and death of the Ottoman Empire*. Moscow: Nauka, Main Editorial Office of Oriental Literature, 1990. Pp. 1–280 (in Russian)].

Фадеева И. Л. «Османская империя и англо-турецкие отношения в середине XIX века». М.: Наука, Главная редакция восточной литературы. 1982. С. 1–159 [Fadeeva I. L. «The Ottoman Empire and Anglo-Turkish relations in the middle of the nineteenth century», Moscow: Nauka. The main editorial office of Oriental literature, 1982. Pp. 1–159 (in Russian)].

Шлыков П. В. Вакфы в Турции: трансформация традиционного института. М.: Издательский дом Марджани, 2011. С. 1–551 [Shlykov P. V. *Waqfs in Turkey: the transformation of the traditional institution*. Moscow: Marjani Publishing House, 2011. Pp. 1–551 (in Russian)].